Международные процессы, Том 16, № 2, сс. 26–48
DOI 10.17994/IT.2018.16.2.53.2

ВОЕННАЯ МОЩЬ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

*ДЛЯ ПОБЕДЫ В ВОЙНЕ, ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ВОЙНЫ И (ИЛИ) ДЛЯ ОБРЕТЕНИЯ СТАТУСА?**

МИХАИЛ МИРОНЮК
КИРИЛЛ ТОЛОКНЕВ
АРТЁМ МАЛЬЦЕВ
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

Окончание «холодной войны» способствовало широкому распространению тезиса о стремительном устаревании военной силы как средства достижения государствами своих целей в условиях «глобального либерального порядка, основанного на правилах и институтах». Действительно, число прямых вооружённых столкновений между государствами (межгосударственных войн) всё это время остаётся на аномально низком уровне на фоне продолжающихся внутригосударственных вооружённых конфликтов в проблемных регионах. Однако за этот же период времени мировые военные расходы выросли более чем на 45%, и в арсеналах многих государств появились более совершенные вооружения и военная техника. Всё это свидетельствует о том, что в современном мире военная мощь по-прежнему принимается в расчёт, используется как средство достижения целей и оказывает влияние на поведение государств, даже не будучи применённой или при минимальном уровне насилия. В статье предложены и протестированы две гипотезы, которые могут объяснить причины, вынуждающие государства инвестировать ограниченные ресурсы в средства вооружённой борьбы, которые, возможно, никогда не будут применены. Во-первых, наличная военная сила (мощь) государств позволяет определить, в какой мере и какие государства полагаются или не полагаются на эту составляющую национального потенциала влияния в мире (то есть для кого военная мощь не устарела). Во-вторых, странам, для которых военная сила не устарела, свойственны в целом схожие конфигурации компонентов военной мощи (то есть эволюция военной мощи таких государств может происходить сходным образом). Для тестирования предложенных гипотез на данных по 98 странам мира на двух моментах времени (2005 и 2015/2016 гг.) использованы количественные методы. Проведённый кластерный анализ в целом подтверждает выдвинутые гипотезы. Так, сравнение кластеров по состоянию на 2005 и 2015/2016 гг. указывает на то, что государства, находящиеся в сходных внешних условиях (например, постоянное внешнее давление, соперничество с соседями и т.п.), наращивают (или утрачивают) сходные компоненты военной мощи

Ключевые слова:

государство; война; военная мощь; статус; кластерный анализ; стратегическое планирование; США; Россия.

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01651), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Дата поступления рукописи в редакцию: 29 ноября 2017 г.
Дата принятия к публикации: 20 мая 2018 г.

Для связи с авторами / Corresponding authors:
Email: mmironyuk@hse.ru

Спустя четверть века после окончания «холодной войны» государства мира попрежнему остро реагируют как на традиционные, так и на новые вызовы безопасности. Простое сравнение военных расходов, обобщённых Стокгольмским институтом исследований проблем мира (SIPRI Military Expenditure Database)[1], в 1992 и 2016 годах (в постоянных долларах США, зафиксированных на 2015 год), показывает рост более чем на 45% (ориентировочно 1136 млрд долларов против 1686 млрд долларов; последний показатель лишь немного недотянул до рекордных 1699 млрд в 2011 году), составив на первый взгляд скромные 2,2% мирового ВВП[2]. При этом затраты на оборону Соединённых Штатов даже превзошли пиковые значения «холодной войны» (около 759 млрд постоянных долларов в 2010 г. против почти 608 млрд в 1986-м)[3], не говоря о «скромных» 399 млрд долларов в 1999 году[4]. Вероятно, совокупные военные расходы государств мира даже превысили и так фантастические показатели, поскольку для ряда стран их рассчитать затруднительно. В числе последних ОАЭ, известные закупкой дорогостоящих систем вооружений и участием в йеменской кампании; воюющие Сирия и Йемен; традиционно непрозрачная КНДР, добившаяся больших успехов в реализации ракетно-ядерной программы. Если бы не падение цен на нефть, то страны—экспортёры углеводородного сырья позволили бы себе даже большие траты[5].

Военные, эксперты и политики заговорили о «войнах четвёртого поколения», «войнах XXI века»[6] и даже о новой «революции в военном деле». Такого рода заявления подстёгивались принятием Соединёнными Штатами «третьей компенсационной стратегии»[7] для обеспечения военного превосходства над потенциальными противниками, на службу которому будут поставлены новейшие технологические достижения[8]. Две предыдущие «компенсационные стратегии», связанные с развитием ракетно-ядерных вооружений, высокоточного оружия и средств его доставки, были реализованы в условиях «холодной войны», когда сверхдержавы балансировали на грани глобального конфликта, воспринимая друг друга в качестве реальной угрозы собственному выживанию.

Почему же в современных условиях взаимозависимости, глобального либерального порядка, основанного на правилах и институтах, и при отсутствии очевидного идеологического противостояния сверхдержав (в том числе в силу отсутствия второй сверхдержавы) государства мира позволяют себе такие значительные издержки на вооружённые силы? Готовятся ли они побеждать в войнах с другими государствами? Доверяют ли политики во главе этих государств существующим правилам и институтам или не считают их надёжными гарантиями безопасности, следуя, как считалось, изжившему положению реализма о необходимости полагаться только на самих себя в условиях

[1] SIPRI Military Expenditure Database. URL: https://www.sipri.org/databases/milex

[2] World military spending: Increases in the USA and Europe, decreases in oil-exporting countries. 24 April 2017. — https://www.sipri.org/media/press-release/2017/world-military-spending-increases-usa-and-europe

[3] SIPRI Military Expenditure Database. — https://www.sipri.org/databases/milex.

[4] Ibid.

[5] World military spending: Increases in the USA and Europe, decreases in oil-exporting countries. 24 April 2017. — https://www.sipri.org/media/press-release/2017/world-military-spending-increases-usa-and-europe

[6] *Герасимов В.В.* Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. 2013. № 8(476). URL: https://www.vpk-news.ru/articles/14632

[7] *Hagel C.* Secretary of Defense Speech Reagan National Defense Forum Keynote. Ronald Reagan Presidential Library, Simi Valley, CA. 15.11.2014. URL: https://www.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/606635/

[8] См., например: *Martinage R.* Toward a New Offset Strategy Exploiting U.S. Long-Term Advantages to Restore U.S. Global Power Projection Capability. 2014. URL: http://csbaonline.org/uploads/documents/Offset-Strategy-Web.pdf

анархической международной среды? Или национальные лидеры нерациональны, растрачивая ресурсы? Либо же речь идёт о вполне расчётливом поведении, основанном на выученных уроках прошлого?

На каждый из заданных вопросов, основываясь на открывающихся архивах, доступных автобиографических источниках, статистических данных и академической литературе, можно дать противоположные ответы, подкрепив их надёжными свидетельствами. Вместо того чтобы упомянутые выше «загадки» переводить на более высокий уровень абстракции, изучая причины, по которым государства и люди вступают в вооружённые конфликты, мы обратимся к изучению того, какую военную мощь накопили государства. Нас в данном случае не интересуют, по крайней мере пока, мотивы государств (и возглавляющих их политиков), тратящих ресурсы на подготовку к войнам, которые могут не произойти. В этой и последующих статьях мы стремимся ответить на вопрос, который был сформулирован автором концепции мягкой власти (а потом и умной власти) Джозефом Наем: «*Устаревает ли военная сила?*» [Nye 2010].

Под **военной силой** мы далее понимаем *доступные государствам средства, которые при использовании на поле боя обеспечивают достижение целей, имеющих политическое значение*. При этом мы также принимаем во внимание, что в некоторых случаях политические задачи решаются без непосредственного применения этих возможностей. Иными словами, военная мощь может оказывать влияние *без применения насилия* или *при минимальной эскалации насилия*, свидетельством чему служит отсутствие больших (но не малых или опосредованных) войн между великими державами после Второй мировой войны.

Дж. Най, утверждая за военной силой способность «структурировать ожидания и определять политические расчёты», указывает, что экономические рынки (основной мотор глобализации) основываются на политических структурах, которые, в свою очередь, опираются на нормы, институты и использование принуждающей мощи[9]. Последняя может принимать форму невоенных санкций, но её абсолютное выражение (возмездие за нарушение норм) – насильственное принуждение, применяемое к нарушителю. Заметим, что в качестве последнего может выступать как государство, так и неправительственные субъекты, в то время как наказывающий так или иначе ассоциируется с государством (даже если речь идёт о военных подрядчиках на службе правительства, не говоря уже о межгосударственных организациях или альянсах стран).

Вернёмся к заданному выше вопросу, переформулировав его для выполнения эмпирического исследования, некоторые результаты которого приведены в настоящей статье. Нас интересует, *что происходит с военной силой в мировой политике на протяжении последних 10 лет* (с 2005 по 2015/2016 годы). Поскольку мы не стремимся к широким обобщениям теоретического характера, мы вводим ряд ограничений, как временных, так и количественных (нас интересуют не все суверенные государства–члены ООН – приложение 2) и качественных. Военная сила складывается из значительного числа компонентов и описывается широким набором параметров, и, поскольку при этом затрагиваются чувствительные сферы национальной безопасности, надёжность исходных данных и сделанных на их основе описаний обеспечить затруднительно. Мы ограничиваемся доступными в открытых источниках параметрами сухопутной, военно-воздушной и военно-морской мощи государств (приложение 1).

Во-первых, мы предполагаем, что государства мира разделяются по тому, как они полагаются или не полагаются на военную силу. Более конкретно, наша первая гипотеза состоит в том, что поддержание или наращивание военной силы (мощи) свиде-

[9] См., например: *Martinage R.* Toward a New Offset Strategy Exploiting U.S. Long-Term Advantages to Restore U.S. Global Power Projection Capability. 2014. URL: http://csbaonline.org/uploads/documents/Offset-Strategy-Web.pdf

тельствует о том, что для таких государств по каким-то причинам эта составляющая национального потенциала влияния в мире остаётся актуальным средством достижения политических (или иных) целей. Они инвестируют в неё ресурсы, чтобы компоненты военной мощи не устарели в буквальном смысле слова.

Во-вторых, мы предполагаем, что странам, для которых военная сила не устарела, свойственны в целом схожие конфигурации компонентов военной мощи. Вторая гипотеза гласит, что соперничающие государства (как на региональном уровне, так и вне рамок одного региона) стремятся обрести одинаковые типы сил и средств вооружённой борьбы. Объяснение причин (при условии надёжного подтверждения) данного феномена не входит в круг целей настоящей статьи. Однако мы можем предполагать, что территориальные государства (европейского типа) в силу своей природы готовятся к конфликтам с себе подобными. Победа в эволюционной борьбе с иными формами политической организации человеческих сообществ наделила их устойчивыми институтами и организациями, специализирующимися на обеспечении безопасности. Причём, как минимум, организации, не говоря уже о людях, продолжают развиваться и учиться у своих аналогов в других государствах, добившихся успехов в реализации задач обеспечения безопасности. Успешные стратегии, частично описываемые наличными компонентами военной мощи, или становятся результатом естественного развития институтов и организаций в близких контекстах, или целенаправленно заимствуются, приводя к существенным сходствам (но вовсе не обязательно к одинаковой эффективности).

1

В современных общественных науках феномен войны связывается с разнообразными технологическими инновациями, наделяющими соперничающие стороны всё более разрушительными и надёжными средствами ведения боевых действий, с экономическими, демографическими, социальными, ценностными изменениями, вплоть до возникновения доминирующих в настоящее время форм и характеристик политической организации человеческих сообществ. Такие исследователи, как Ч. Тилли, С. Тэрроу, Х. Спрюйт [Тилли 2009; Tarrow 2015; Spruyt 1994], обосновывали появление и распространение за пределами Старого Света территориального государства и государствоцентричной системы международных отношений войнами в Европе в Средние века и Новое время[10]. Акцент на европейском опыте не случаен: примерно до начала – середины XVII в. регион представлял собой мозаику разновеликих феодальных владений, то есть центров силы в отсутствие у всех действующих лиц, в том числе императора Священной Римской империи и папы римского, монополии на власть. Многочисленные правители, относившиеся к контролируемой территории как к личному достоянию (домену), могли перекраивать карту Старого Света, осуществляя территориальные захваты, заключая династические браки, жалуя земли церкви и другим феодалам. Статус правителя определялся различными факторами, но доминирующими были древность рода, его происхождение и династические связи. При этом ни один правитель не имел высшей власти – над ним мог оказаться ещё более «гордый властитель», а отношения с аристократией определялись множеством взаимных условий. В контексте обострения соперничества за политическое и духовное доминирование император и церковь нуждались в союзниках, некоторые из которых сами стремились к статусу обладателей высшей власти в пределах своих территорий (Франция, Англия).

В Европе, непрерывно воюющей на протяжении Средних веков и Нового времени, был освоен ряд важных инноваций, кото-

[10] Эта теория оспаривается рядом исследователей. Например, Дж. Голдстоун указывает, что и в Азии наблюдались сходные явления. См., например: [Голдстоун 2015: 173–181].

рые оказывались всё более затратными, но при этом и всё более необходимыми, поскольку обеспечивали успех на поле боя [MacGregor, Murray 2001; Parker 1996]. Армии становились более крупными и лучше организованными, средства ведения боевых действий – более эффективными, а потери – более многочисленными. За период с V в. до н.э. по XIV в. н.э. число жертв войн удвоилось, за период с XIV в. до начала XVIII в. – увеличилось более чем в два раза, за XIX – XX вв. возросло более чем в 10 раз, однако одновременно при нарастании жестокости войн и численности погибших наблюдалось сокращение числа прямых столкновений между великими и претендующими на этот статус державами: с 22 в XVI в. до 5 в XIX в. и 5–6 в XX веке[11]. Распределение таких крупных вооружённых конфликтов было весьма неравномерным: за последние пять столетий большинство пришлось на Европу, а после 1945 г. – на другие регионы мира.

Конкуренция за выживание, в которой участвовало множество агентов (в Европе на рубеже XV–XVI вв. насчитывалось около 500 правителей [Spruyt 2002: 138]), необходимость отвечать на внешние и внутренние угрозы, растущая затратность и разрушительность войн в конечном итоге обеспечили победу территориальному государству. Последнее научилось эффективнее, нежели конкуренты, концентрировать ресурсы в виде налогов, податей, повинностей для ведения войн и поддержания государственного аппарата, необходимого для сбора налогов и задач военного строительства и обеспечения управляемости и безопасности.

В качестве главных критериев величия окончательно утвердились размеры, богатство и военное могущество государства. Важную роль сыграли Тридцатилетняя война и последовавший за ней Вестфальский мир, который закрепил правила выживания в воюющей Европе, в том числе упразднил старую иерархию феодалов и уравнял в правах глав независимых государств, ставших носителями высшей – суверенной – власти, главным признаком которой являлась самостоятельность в вопросах внутренней и внешней политики. Суверены признали равенство прав и обязанностей друг перед другом. Вестфальская система несколько ограничила хаотичность конкуренции между ними, но не лишила их стремления защищать собственные привилегии и при этом вмешиваться во внутренние дела соседей, пытаясь достичь более высокого положения среди себе подобных. В этих условиях война, следуя известной максиме Карла фон Клаузевица, выступала «орудием политики, продолжением политических отношений, проведением их другими средствами»[12].

Поскольку она была и остаётся доступным (а значит, и возможным) способом поведения государств, залог победы над противником – превосходство средств вооружённой борьбы и воля к победе. Отсюда гонка за доминирование над потенциальными конкурентами, в которой наибольший успех сопутствовал великим державам, располагающим разнообразными ресурсами, конвертируемыми в военную силу. Её апофеоз – вооружённые разнообразной техникой многомиллионные армии времён Первой и Второй мировых войн, действовавшие на разных, в том числе весьма удалённых от метрополий, театрах военных действий.

Утвердившееся в Европе территориальное государство оказалось не только более эффективным в сравнении со своими историческими конкурентами, но некоторые европейские державы осуществили успешную экспансию за пределы Старого Света, и «...к началу XX в. накал глобального военного противостояния и расширение сети европейской военной силы превратили земной шар в единое геополитическое пространство» [Хелд, Гольдблатт, Макгрю, Перратон 2004: 111].

Около полувека после окончания Второй мировой войны (одним из результатов которой стало создание Организации Объе-

[11] Подробнее см.: [Levy, Thompson 2011].
[12] Подробнее см.: [Клаузевиц 1934].

динённых Наций, зафиксировавшей в своём Уставе принципы равенства всех государств-членов и уважения суверенитета)[13], в Европе не было межгосударственных вооружённых конфликтов, хотя в других регионах мира армии, в том числе великих держав, обладающих ядерным оружием, противостояли друг другу. Это не значит, что военная мощь была устранена из европейской политики в принципе. В частности, Советский Союз использовал её для дисциплинирования государств в своей зоне влияния – войска использовались для подавления выступлений в ГДР в 1953 году, вооружённого восстания («мятежа», если использовать официальные советские оценки) в Венгрии в 1956-м, а также в ходе событий в Чехословакии 1968 года, известных как «Пражская весна». Раздел Югославии, начавшийся в 1991 году, сопровождался применением военной силы между бывшими республиками, враждующими фракциями внутри них, а также со стороны НАТО в 1995 и 1999 годах. Недемократические режимы вне советской зоны влияния в регионе использовали военную силу в качестве одного из средств обеспечения собственной устойчивости (например, Греция до начала процессов демократизации). Без вооружённых столкновений не обошёлся и распад Советского Союза: они имели место в ходе конфликтов в Приднестровье (с последующим появлением непризнанного государства в границах Республики Молдова) и в Нагорном Карабахе в 1991 – 1994 годах (в него после 1991 г. были втянуты уже независимые Армения и Азербайджан) и другие. Межгосударственный характер имело вооружённое противостояние в Южной Осетии в августе 2008 года (при том что сам конфликт стал результатом этнических противоречий, обострённых распадом СССР), когда на поле боя противостояли друг другу армейские подразделения Грузии и России. Если отнесение Закавказья к Европе может быть проблематичным с географической точки зрения, то конфликт на Украине, начавшийся в 2014 году, как минимум украинские власти и значительная часть американских и европейских СМИ классифицируют как также имеющий межгосударственную составляющую.

Отсутствие войн между великими державами иногда объясняется появлением в их арсеналах ядерного оружия, являющегося пока потенциально самым разрушительным[14]. Однако, хотя межгосударственные войны становятся менее частыми, люди не перестают воевать. По данным проекта «Correlates of War», в 1945–1997 гг. наблюдалось превышение численности жертв гражданских конфликтов над потерями в межгосударственных столкновениях[15]: 23 войны между государствами сопровождались 3,3 млн жертв боевых действий, а 108 гражданских войн обернулись гибе-

[13] Согласно Главе VII Устава ООН, он может быть ограничен, если это суверенитет страны–нарушителя международного мира и безопасности.

[14] Среди классиков теории международных отношений такой точки зрения придерживался, например, К. Уолтс, выдвинувший тезис «чем больше, тем лучше» (англ. more may be better), то есть чем больше «ядерный клуб», тем стабильнее система международных отношений, поскольку обладание таким мощным оружием является гарантией от нападения со стороны других стран (из-за эффекта сдерживания/устрашения). Ядерное оружие (до тех пор, пока не появится «чистая бомба» и надежные способы нейтрализации средств его доставки) обладает качествами, непригодными для целей захватнической войны. Также в войне против ядерного государства цена победы над ним в силу возмездия слишком высока, и сам факт его наличия вынуждает и государство-обладателя, и его соперников быть осторожными. Располагая силами ядерного сдерживания, государству не нужно для обеспечения своей безопасности захватывать территории. Возможный агрессор также должен учитывать, что воля применить ядерное оружие у подвергшегося агрессии государства явно выше, чем его собственная воля совершить аннексию чужой территории, цена которой – ядерный удар по собственной территории с катастрофическими последствиями. Поскольку последствия ядерной войны в целом известны, как известны в целом параметры ядерного потенциала противника, ядерное оружие перестаёт быть привлекательной «опцией на поле боя». Подробнее см.: [Waltz 1981; Jervis 1988; Mearsheimer 1990].

[15] Цит. по: [Levy, Thompson 2010].

лью 11,4 млн чел. В этих противостояниях или сами государства обращали военный потенциал для разрешения внутренних противоречий, или конфликтующие стороны использовали «приватизированную» военную силу друг против друга и (или) применяли её против собственных правительств. Вряд ли статистика жертв вооружённых конфликтов последних десятилетий является достаточно надёжной: внутренние столкновения (часто с вовлечением третьих сторон, в том числе коалиций иностранных государств) в Сирии, Ираке, Афганистане, Судане, Южном Судане, Сомали, Йемене, на востоке Украины далеки от завершения, приводя к фактическому распаду государственных институтов и порождая не вполне предсказуемые региональные и глобальные последствия.

2

Даже если государства не воюют, они могут соперничать. На стыке традиционных для международных исследований теорий и социального конструктивизма был выдвинут концепт статуса, который обосновывает альтернативную классическим представлениям логику понимания межгосударственного соперничества (впрочем, и сотрудничества тоже). В международные исследования это понятие было привнесено из других общественных наук и из биологии. Борьба за более высокое положение в среде себе подобных характерна как для людей, так и в животном мире (например, для приматов). Обладатели привилегированного статуса выступают носителями маркеров, его демонстрирующих. Последние могут варьироваться от общества к обществу, но их значение в конкретном социуме общеизвестно. Обладатель статуса имеет маркеры, желающий его получить – стремится обрести таковые.

Подобная логика была перенесена на сферу изучения международных отношений. Статус как представления самого государства и его контрагентов о положении этого субъекта в системе международных отношений зависит от наличия некоторых возможностей, значимых в конкретный момент времени, и воли к их использованию[16]. Тот факт, что статус отражает коллективные ожидания, объясняет временной лаг между изменением объективных возможностей государства и его восприятием со стороны прочих членов международного сообщества. О том, насколько различаются взгляды других и саморефлексия государства, можно судить по результатам первого после 2014 г. заседания Совета Россия – НАТО, из которого участники вынесли прямо противоположные выводы[17].

Поскольку статус формируется с помощью набора маркеров, наличие преимущества в отношении какого-то одного из них не обязательно гарантирует приобретение желаемого статуса. В частности, военная мощь в данном контексте играет роль лишь составного элемента в широком наборе инструментов достижения привилегированного положения в международной системе. В такой логике подготовка к Олимпийским играм и строительство инфраструктуры для международных спортивных мероприятий [Rhamey, Early 2013] может быть гораздо эффективнее строительства авианосцев[18].

[16] Ряд исследователей, связанных с Т. Волджи, выделяют следующие виды статусов – статус великой державы (major power status) и статус региональной державы (regional power status). Великие державы, в свою очередь, различаются по тому, насколько их наличные возможности соответствуют или не соответствуют статусу. Отсюда их определение как «соответствующие статусу» (status-consistent) и «несоответствующие статусу» (status-inconsistent); для последних вводится дополнительная категоризация на «отстающие» (underachiever; иначе – державы-аутсайдеры) и «сверхуспевающие» (overachievers) державы. Подробнее см.: [Volgy, Corbetta, Grant, Baird 2011].

[17] Ср.: Заявление Генерального секретаря Йенса Столтенберга по итогам заседания Совета Россия–НАТО. 20.04.2016. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_129999.htm?selectedLocale=ru; Грушко: Россия не чувствует дискомфорта от отсутствия постоянного диалога с НАТО. 20.04.2016. URL: http://tass.ru/politika/3224731.

[18] *Shadbolt P.* Asian Superpowers Jostle to Join the Aircraft Carrier Club. CNN. 10.02.2013. URL: http://www.cnn.com/2013/10/02/world/asia/china-india-japan-aircraft-carriers/index.html

Влияние силового потенциала на статус государства не тождественно чистой военной мощи как способности победить противника. В настоящее время прямое применение инструментов силового принуждения ограничено международным правом и угрозой ядерного конфликта. При этом для усмирения государств-«бунтовщиков», бросающих вызов существующему порядку, международное сообщество или отдельные государства считают возможным использовать вооружённые средства. Однако цена военного решения традиционных конфликтов, например территориальных споров, оказывается слишком велика, чтобы решать их преимущественно силовым путём. Результатом этого становится относительная редкость и быстротечность межгосударственных войн, а к их урегулированию быстро подключается третья сторона или международные институты. И тем не менее открытые конфликты, как и противоречия между великими державами, не являются немыслимыми. Потенциал применения силы, составной частью которого выступает наличная военная мощь, сохраняется.

В этих условиях военная сила принимается во внимание при определении статуса государства, но также она оказывается одним из способов его сигнализирования. В данной связи статус государства, включающий в себя военную мощь, постепенно вытесняет реальный потенциал её применения, который жёстко ограничен необходимостью как внешней, так и внутренней легитимизации.

Основная трудность в описании соотношения статуса и военной мощи заключается в том, что социальное признание может достигаться многими способами. Вооружённая сила генерирует статус, не демонстрируя свой максимальный потенциал, но с помощью конкретных маркеров, которые заметны международному сообществу. Такого рода признаки позволяют ему идентифицировать социальное признание государства. В качестве маркеров могут рассматриваться как различные атрибуты военной мощи, так и демонстрация её применения в определённом контексте. Например, наличие ядерного оружия и современных средств его доставки позволяют стране демонстрировать принадлежность к элитному клубу великих держав. Атрибутом статуса могут быть и другие виды вооружения – обычно некоторая специфическая и очень дорогая военная техника. Например, массивные и чрезвычайно дорогие надводные корабли – от дредноутов в начале XX столетия до гигантских авианосцев XXI века.

Помимо непосредственно наличия военной техники атрибутом статуса может выступать её применение в различных условиях с различными целями. Например, существенную роль в определении международно-политического положения КНДР играет не столько наличие ракет средней и промежуточной дальности, сколько их регулярные пуски вопреки санкциям со стороны США и международного сообщества. Другой пример – наличие на вооружении России крылатых ракет семейства «Калибр». О них было известно с середины 2000-х годов, но статусное значение это оружие приобрело после неоднократного применения в боевых условиях сирийской кампании.

Парадоксально, но демонстрация статуса с помощью некоторых элементов военной мощи может проводиться в отсутствие агрессивной повестки. В частности, министерство обороны и командование военно-морских сил Италии смогли утвердить через парламент финансирование строительства авианесущего «гуманитарного корабля», предназначенного для «контроля миграционных потоков, спасения на море, охраны окружающей среды»[19].

[19] *Piovesana E.* Marina militare, la “nave umanitaria” si trasforma in portaerei. Ed esplodono i costi. Taciuti al Parlamento. Il Fatto Quotidiano. 14.04.2016. URL: https://www.ilfattoquotidiano.it/2016/04/14/marina-militare-la-nave-umanitaria-si-trasforma-in-portaerei-ed-esplodono-i-costi-taciuti-al-parlamento/2634448/

Статусность оборонной программы не означает автоматически её бессмысленность с точки зрения обеспечения безопасности. Среди вооружений, выступающих в качестве маркеров привилегированного положения, имеются как «белые слоны», призванные демонстрировать возможности государства, но практически неприменимые в реальном конфликте, так и способствующие укреплению обороноспособности вооружения и военная техника. Впрочем, общее снижение числа конфликтов между государствами может делать такое разделение несущественным. Более того, такой способ демонстрации статуса проявляется не только у великих держав и у стран, стремящихся быть признанными в качестве таковых, но и в меньших масштабах на уровне борьбы за региональное лидерство.

3

С пониманием того, что военная мощь является и практическим средством прямого устранения (как и создания для других) угроз безопасности, и средством достижения политических целей без применения насилия, и одним из маркеров, определяющих статус государства в мире или регионе, мы переходим непосредственно к тестированию выдвинутых во вводной части статьи гипотез. Для него мы подготовили базу данных, включающую 24 параметра (приложение 1) для 98 стран мира (приложение 2) на двух моментах времени – 2005 и 2015/2016 годы. В настоящей статье мы демонстрируем результаты обработки данных посредством иерархической кластеризации методом Варда на базе квадратичной евклидовой метрики (с использованием всех параметров для всех стран, представленных в базе данных). В последующих работах мы оценим устойчивость результатов анализа, применив иные методы обработки данных, расширяя временной и географический охват.

На выбранные нами 98 стран, представляющих разные регионы мира, в рассматриваемый период времени приходится более 97% мировых военных расходов. В анализ включены все бывшие республики СССР, члены НАТО, крупные и (или) значимые для «своих» регионов страны. Что касается выбора параметров, то созданная база данных охватывает разные компоненты военной мощи, потенциально доступные разным странам. Исходным источником информации для наполнения базы данных являются доклады «Военный баланс» (The Military Balance) Международного института стратегических исследований.

Иерархическая кластеризация методом Варда часто используется в социальных науках. Результаты численного моделирования с известным заранее числом кластеров и принадлежностью наблюдений к тем или иным кластерам показали, что метод Варда в среднем лучше выполняет задачи кластеризации, чем прочие методы иерархической агломерации [Ferreira, Hitchcock 2009]. Иерархическая кластеризация методом Варда предполагает оптимизацию минимальной дисперсии внутри кластеров, что позволяет минимизировать потерю информации.

Эта процедура выглядит так. Исходно каждый объект в выборке (страна) считается отдельным кластером (группа в составе одной страны), затем объекты объединяются в новые кластеры так, чтобы прирост внутригрупповой суммы квадратов расстояний между средним значением каждой из 24 переменных в кластере и значениями каждой из 24 переменных для каждого объекта внутри кластера после добавления нового объекта в кластер был минимально возможным.

Результаты иерархической кластеризации методом Варда по данным 2005 г.

При анализе дендрограммы (приложение 3) можно выделить следующие группы государств. Первая включает Россию, КНР и США. Каждая из этих держав выступает отдельным кластером, при дальнейшей агломерации они формируют особую группу, отличающуюся от множества всех прочих стран. При этом Россия и КНР более сходны друг с другом, чем с США, которые

дольше всех прочих государств остаются отдельным кластером. Вторая группа состоит из Египта, Сирии, Австралии, Испании, Нидерландов, Италии, Франции, Греции, Турции, Израиля, Пакистана, Республики Корея, Германии, Японии, Великобритании и Индии. Она в дальнейшем объединяется в единую группу с КНДР, составляющей изначально самостоятельный кластер. Все прочие государства представляют четвёртую группу, при дальнейшей агломерации они формируют единый кластер со второй группой стран. О составляющих её государствах можно говорить как об обладателях ограниченных военных возможностей.

Содержательно возможна следующая интерпретация. *Во-первых*, выделяются три игрока, наличная военная сила которых разительно отличается от военных потенциалов всех прочих государств. *Во-вторых*, имеется группа стран, которую можно охарактеризовать как рядовых обладателей значительных конвенциональных возможностей. В неё входят как европейские союзники США, ранее находившиеся на передовой «холодной войны» и не успевшие к 2005 г. провести глубокое сокращение вооружённых сил (Нидерланды, Франция, Испания, Италия, Германия, Великобритания), так и государства, активно вовлечённые в конфликты или соперничество с соседями (Турция, Греция, Израиль, Пакистан, Республика Корея, Индия, Сирия, Египет, Япония). Это подтверждает гипотезу о том, что государства, пребывающие в сходных условиях, стремятся нарастить сходные компоненты военной мощи. Тот факт, что КНДР изначально выделилась в отдельный кластер, но при дальнейшей агломерации группируется с описанными выше государствами, объясним: вооружённые силы Северной Кореи обладают огромным количеством физически устаревших вооружений, отличающих её от прочих государств с крупными конвенциональными возможностями. Вместе с тем сама их численность не позволяет включить КНДР в четвёртую группу государств.

Результаты иерархической кластеризации методом Варда по данным 2015/2016 г.

Результаты иерархической кластеризации для 2015 г. оказались более интересными. Во-первых, выделяется группа государств, которых можно назвать милитаризированными (для ответа на внутренние и внешние угрозы безопасности) или воюющими. В её составе Израиль, Украина, Греция, Турция, Египет, Пакистан и Республика Корея. Для них характерны оборонная политика, построенная на сдерживании агрессивного соседа, либо участие в боевых действиях на своей или чужой территории. В состав второй группы входят Бразилия, Сингапур, Индонезия, Франция, Вьетнам, Саудовская Аравия, Австралия, Канада, Испания, Германия, Италия, Великобритания и Япония. Ряд государств, попавших в неё в 2005 году, входили в один кластер с Грецией, Турцией, Израилем, Пакистаном, Республикой Кореей и Египтом. В отличие от последних, европейские государства сократили вооружённые силы и арсеналы, так как необходимость сдерживания внешней угрозы для них была неактуальной.

Появление в этой группе ряда региональных игроков, ранее находившихся в составе четвёртого кластера, может свидетельствовать о двух трендах. Первое – сокращение вооружённых сил европейскими государствами позволило странам, ранее классифицируемым как недостаточно сильные, приблизиться к бывшим лидерам. Второе – эти игроки копировали структуру вооружённых сил и военной мощи традиционных союзников США (например, закупали у лидеров или производили соответствующие вооружения и военную технику). Изменение внешних условий, принуждавших европейские страны поддерживать значительный потенциал, привело к сходному изменению структуры их военной мощи, что выразилось в дроблении кластера государств с крупными конвенциональными возможностями. Государства, обладавшие ранее сопоставимыми силами, но при этом всё ещё

вынужденные осуществлять сдерживание внешней угрозы, начинают формировать отдельный кластер. Это вновь подтверждает гипотезу о существовании сходств между конфигурациями компонентов военной мощи игроков, находящихся в похожих условиях.

Серьёзные изменения произошли с кластером государств, отличающихся от всех прочих. Теперь в него, помимо Российской Федерации, КНР и США, входят также КНДР, Иран и Индия. На более раннем этапе агломерации он делится на два подкластера. В один группируются Россия, Китай, Северная Корея, Иран, Индия. Другой составляют Соединённые Штаты. При этом КНДР, Иран и Индия по-прежнему более схожи друг с другом, чем с Россией и КНР. Подобное изменение кластера вызывает интерес. Индия значительно нарастила свой военный потенциал, что позволило ей выделиться из группы рядовых обладателей крупных военных возможностей, к которой она принадлежала в 2005 году. КНДР и Иран нарастили количество дизель-электрических субмарин и систем противовоздушной обороны, ракетных систем залпового огня и крупнокалиберной артиллерии, то есть вооружений, способных либо сдерживать потенциально более сильного агрессора непосредственно на поле боя, либо, при своей относительной дешевизне, наносить большой ущерб. Сходство внешних условий в очередной раз привело к сближению подходов к формированию структуры военной мощи.

4

Проведённый анализ показывает произошедшие за 10 лет изменения компонентов военной мощи государств мира. *Во-первых*, возросло сходство вооружённых сил ряда региональных незападных игроков и стран Западной Европы. Оно происходило как в силу укрепления первых при ослаблении последних, так и в силу копирования региональными державами структуры европейской военной мощи (по ряду компонентов). *Во-вторых*, в материально-технической структуре вооружённых сил «государств-изгоев» (Иран и КНДР) произошли изменения, отдалившие их от всех прочих стран. *В-третьих*, Индия продвинулась в сторону наиболее сильных с точки зрения военных возможностей держав. *В-четвёртых*, из ранее однородной группы обладателей крупных потенциалов выделились государства, либо вовлечённые в вооружённые конфликты, либо испытывающие постоянную угрозу их возникновения. *В-пятых*, вооружённые силы наиболее мощных в военном отношении держав (Россия, Китай и США) имеют намного больше общего друг с другом, чем с прочими странами. Разделение группы обладателей крупных конвенциональных возможностей, существовавшей в 2005 году, на две в 2015/2016 г. и пополнение этих новых кластеров большим числом государств можно трактовать двояко. *Во-первых*, увеличилась военная мощь ранее относительно слабых региональных игроков и снизилась мощь западноевропейских стран. *Во-вторых*, изменения, произошедшие в этих государствах, не коснулись выделившихся в отдельный кластер Греции, Турции, Израиля, Пакистана, Республики Корея и Египта, то есть тех, для кого внешняя угроза или острое соперничество – повседневные реалии на протяжении длительного времени.

Особое положение США, России и Китая обусловлено многими факторами, хотя именно США во многом определяют конфигурацию военной мощи этой группы.

Действительно, в середине рассматриваемого периода, то есть спустя почти девять лет после начала операции в Афганистане и семь лет после вторжения в Ирак, Соединённые Штаты, не ведя войн с приблизительно равным соперником и даже не сдерживая его, тратили на военные нужды больше, чем в любой год «холодной войны» (при пересчёте в постоянные доллары по курсу 2015 года, то есть даже с поправкой на инфляцию). В 2016 г. оборонные расходы Вашингтона, несмотря на рекордный государственный долг, оставались на очень высоком уровне – более 606 млрд долла-

ров[20]. При этом Соединённые Штаты продолжают или начинают исключительно дорогостоящие программы по созданию новых образцов вооружений и военной техники (в частности, полный цикл реализации программы многоцелевого истребителя-бомбардировщика F-35 может стоить до 1,4 трлн долларов[21], и до 1 трлн долларов в ближайшие 30 лет планируется направить на модернизацию ядерного оружия и средств его доставки). В то же время, несмотря на экономические затруднения, затраты России на оборону в 2016 г. составили около 70 млрд долларов, что снова поставило её на 3-е место в мире (в предыдущем году её опережала Саудовская Аравия). Показательно, что и Китай, уверенно занимающий 2-ю позицию по объёмам военных расходов, реализует схожие с Вашингтоном и Москвой военные программы.

Опыт США по подготовке к войнам будущего после окончания «холодной воны» специфичен, но его результаты в целом известны. Объяснение высоких трат на военные нужды важно для понимания того, как эта сверхдержава и её политики оценивают перспективы развития международной обстановки и создают условия для достижения желаемого будущего, внося определённость в планы и союзников, и соперников. Процесс стратегического планирования в Соединённых Штатах в силу конкурентного и открытого характера политики отличается высоким уровнем прозрачности и институционализированности, что позволяет подключаться к нему внешним по отношению к правительству организациям и индивидам (не только военным, но и представителям оборонного бизнеса, а также академическим экспертам, гражданским активистам), потенциально менее связанным бюрократическими обязательствами и частными интересами. Оборотная сторона – сложность создания «выигрышных коалиций», необходимость поиска компромиссов между влиятельными субъектами («вето-игроками»), преследующими частные цели.

Отдельный заслуживающий внимания аспект рассматриваемой проблематики – инновации в военной сфере, их источники, механизмы и препятствия на пути внедрения и распространения. Военные организации, выступающие инвариантом бюрократических структур, отличаются склонностью к стагнации, недостатком гибкости и неприятием изменений [Grissom 2006: 919]. Им трудно принять инновации, поэтому для их внедрения практически всегда требуется внешняя сила в виде политиков, независимых экспертов, представителей бизнеса, побуждающая военных отказаться от устоявших подходов [Avant 1993; Beard 1976; Posen 1984: 226]. Впрочем, изменения могут также стать результатом соперничества между различными видами и родами войск [Bergerson 1980] и даже между представителями одной службы [Rosen 1991] за ограниченные ресурсы и поддержание своего статуса в бюрократических иерархиях.

Адекватность результатов процесса стратегического планирования стоящим перед страной вызовам зависит от оценки текущей ситуации в мире или в конкретных регионах, а также качества сценариев наличных и потенциальных угроз. Конфликты, в которые США были вовлечены в 2000-х – 2010-х годах, затруднительно охарактеризовать как крупномасштабные войны (major theater wars), но именно этот тип конфликтов лежал в основе базовых сценариев развития американских вооружённых сил. Реализация конкретных мер, предписанных стратегическими документами, основанными на нереалистичных изначальных предположениях, оборачивается непреднамеренными последствиями, связанными с ответными действиями прочих участников мировой политики (причём не только государств). Вряд ли рацио-

[20] SIPRI Military Expenditure Database. URL: https://www.sipri.org/databases/milex

[21] *Grazier D.* F-35 Continues to Stumble. 30.03.2017. URL: http://www.pogo.org/straus/issues/weapons/2017/f35-continues-to-stumble.html

нальным ответом соперника будет разоружение перед воспринимаемыми в качестве угроз массированными оборонными расходами, сохранением вооружённых сил времен «холодной войны» или избыточно мощных и специфических систем вооружений (например, противоракетная оборона, силы и средства глобального проецирования силы).

* * *

Президент США Б. Обама на церемонии вручения Нобелевской премии мира 10 декабря 2009 г. утверждал: «Будут возникать ситуации, когда страны – действуя в одиночку или совместно – сочтут применение силы не только необходимым, но и морально оправданным»[22]. В данной связи он призвал стремиться к миру, даже если для этого и требуется применение принуждающего насилия, тем самым вновь обращаясь к классической теме «справедливых войн». Через год оборонные расходы Соединённых Штатов превысили пиковые значения времён «холодной войны», а в последний год президентства Б. Обамы появились тревожные признаки новой гонки ракетно-ядерных вооружений с участием Вашингтона, Москвы и Пекина[23].

Проделанный в настоящей статье анализ позволяет констатировать, что военная мощь сохраняет актуальность и в этом смысле *не устаревает*. Даже если государства не готовятся к войнам вообще, готовятся к войнам, которые не состоятся, или готовятся к войнам, *чтобы* они не состоялись, их потребность в потенциале силового принуждения будет сохраняться до тех пор, пока хотя бы одна великая держава или страна, стремящаяся к таковому статусу, воспринимает его в качестве практического средства обеспечения безопасности, не говоря уже о маркере желаемого статуса.

Между изменением внешней среды и реализацией национальной оборонной политики всегда сохраняется лаг, поэтому решения, принятые какое-то время назад, формируют настоящее (как и будущее). Тем самым прошлое продолжает задавать колею зависимости. Способы такого влияния могут быть разными, начиная от целенаправленного формирования внешнего и внутреннего контекста и заканчивая идеями, нормами, правилами (то есть институтами). Даже спустя четверть века после окончания «холодной войны» решения в большинстве государств мира принимают люди, выросшие под её влиянием, их консультируют специалисты, сложившиеся в профессиональном отношении и добившиеся карьерных успехов (или начавшие карьеру) в тех же условиях. Значительное число глобальных институтов, в том числе международное право и международные организации, приобрели свой нынешний облик тогда же.

Представленные выше результаты кластерного анализа подтверждают, что среди игроков, для которых военная сила не устарела, выделяются очевидные лидеры (или лидер), однако нет надёжных свидетельств того, что на них обязательно равняются другие государства – как конкуренты, так и союзники. Упорно не устаревающая военная сила весьма затратна, её создание и (или) поддержание на прежнем уровне требуют существенных ресурсов, которые могут быть направлены на более неотложные нужды. В каких-то случаях наличие последних ведёт к уменьшению и даже упадку военной мощи, который может принять необратимый характер. Однако в целом разделение государств по этому показателю не просто возможно, но приносит вполне осязаемые исследовательские результаты.

Нам удалось обнаружить, что государства, находящиеся в сходных условиях, наращивают сходные компоненты военной мощи. Наиболее ярким доказательство этому стало появление в 2015 г. кластера,

[22] *Obama B.H.* Nobel Lecture: A Just and Lasting Peace. Nobel Media AB 2014. 4.11.2017. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/peace/laureates/2009/obama-lecture_en.html

[23] *Broad W.J., Sanger D.E.* Race for Latest Class of Nuclear Arms Threatens to Revive Cold War // The New York Times. 16.04.2016. URL: http://mobile.nytimes.com/2016/04/17/science/atom-bomb-nuclear-weapons-hgv-arms-race-russia-china.html

состоящего из Ирана и КНДР, – государств, подвергающихся постоянному внешнему давлению. Чуть менее примечательно отделение группы стран, активно занимающихся сдерживанием соседей или ведущих войны на своей или соседней территории (Греции, Турции, Египта, Израиля, Пакистана и Республики Корея) от государств–членов НАТО, когда-то ранее готовившихся к крупной войне в Европе (Франции, Италии, Германии, Великобритании и др.), но существенно сокративших свои вооружённые силы.

Усиление Индии, приблизившейся по военной мощи к ведущим игрокам, появление ряда незападных региональных держав в кластере, состоявшем ранее из европейских государств, переход Ирана и КНДР в особый кластер показывают, что военная мощь продолжает иметь значение, а группа субъектов, военные возможности которых необычайно высоки, демонстрирует тенденцию к расширению. Открытым остаётся вопрос, насколько устойчиво такое положение сильных в военном отношении государств, ведь соотношение потенциалов, как мы видим, меняется очень динамично в условиях ресурсных ограничений или сознательной политики (яркий пример – европейские государства–члены НАТО), а её поддержание, не говоря о наращивании, затратно.

Список литературы

Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1800. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 302 с.

Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934. 692 с.

Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. 328 с.

Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М.: Праксис, 2004. 576 с.

Avant D.D. The Institutional Sources of Military Doctrine – Hegemons in Peripheral Wars // International Studies Quarterly. 1993. Vol. 37. No. 4. P. 409–430.

Beard E. Developing the ICBM: A Study in Bureaucratic Politics. N.Y.: Columbia University Press, 1976. 273 p.

Bergerson F.A. The Army Gets an Air Force. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1980. 232 p.

Ferreira L., Hitchcock D.B. A Comparison of Hierarchical Methods for Clustering Functional Data // Communications in Statistics-Simulation and Computation. 2009. Vol. 38. No. 9. P. 1930–1933.

Grissom A. The Future of Military Innovation Studies // Journal of Strategic Studies. 2006. Vol. 29. No. 5. P. 905–934.

Jervis R. The Political Effects of Nuclear Weapons: A Comment //International Security. 1988. Vol. 13. No. 2. P. 80–90.

Levy J.S., Thompson W.R. Arc of War: Origins, Escalation, and Transformation. Chicago and London: University of Chicago Press, 2011. 280 p.

Levy J.S., Thompson W.R. Causes of War. Oxford:Wiley-Blackwell, 2010. 288 p.

MacGregor K., Murray W. (Eds.). The Dynamics of Military Revolution, 1300–2050. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 203 p.

Mearsheimer J.J. Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War //International security. 1990. Vol. 15. Issue 1. P. 5–56.

Nye J.S. Jr. Is Military Power Becoming Obsolete? 11.01.2010. Available at: https://www.project-syndicate.org/commentary/is-military-power-becoming-obsolete?a_la=english&a_d=b4f33e0046f86fa80bc17003&a_m=&a_a=click&a_s=&a_p=%2Ftopic%2Fnye-on-power&a_li=is-military-power-becoming-obsolete&a_pa=section-commentaries&a_ps=

Parker G. The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 265 p.

Posen B.R. The Sources of Military Doctrine: France, Britain, and Germany Between the World Wars. Ithaca, NY.: Cornell UP, 1984. 287 p.

Rhamey J.P., Early B.R. Going for the Gold: Status Seeking Behavior and Olympic Performance // International Area Studies Review. 2013. Vol. 16. No. 3. P. 244–261.

Rosen S.P. Winning the Next War: Innovation and the Modern Military. Ithaca. N.Y.: Cornell University Press, 1991. 275 p.

Spruyt H. The Origins, Development, and Possible Decline of the Modern State // Annual Review of Political Science. 2002. Vol. 5. P. 127–149.

Spruyt H. The Sovereign State and Its Competitors: An Analysis of Systems Change. Princeton: Princeton University Press, 1994. 304 p.

Tarrow S. War, States, and Contention: A Comparative Historical Study. Ithaca: Cornell University Press, 2015. 314 p.

Volgy T.J., Corbetta R., Grant K.A., Baird R.G. (eds.). Major Powers and Their Quest for Status in International Politics: Global and Regional Perspectives. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. 242 p.

Waltz K.N. The Spread of Nuclear Weapons: More May Be Better. Adelphi Papers. No. 171. London: International Institute for Strategic Studies, 1981. 32 p.

***Приложение 1.* Список переменных, 2005 г. и 2015/2016 гг.**

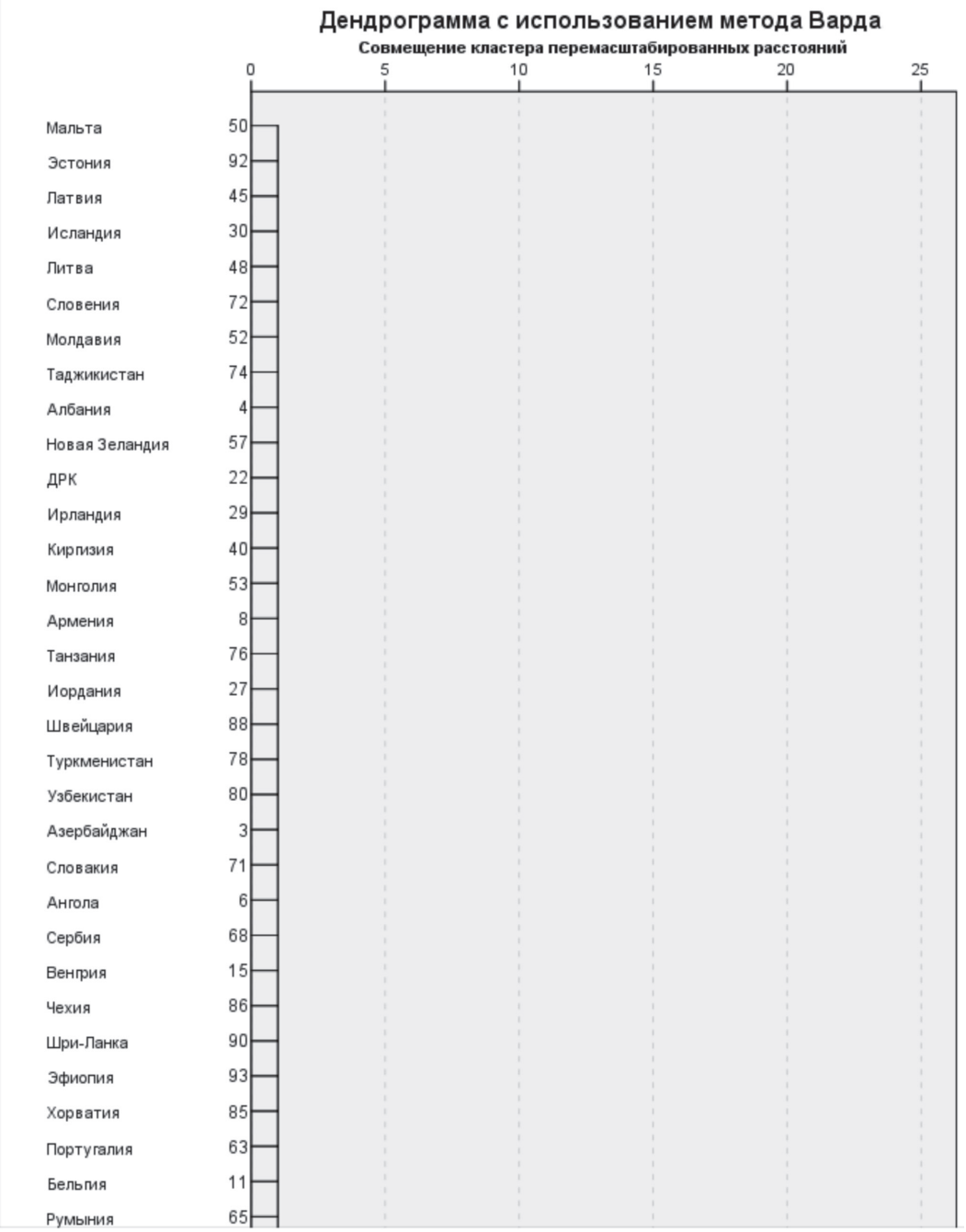
(1) Численность военнослужащих; (2) основные боевые танки старых типов; (3) современные основные боевые танки; (4) бронетехника с орудиями более 73 мм (не ОБТ); (5) боевые машины пехоты; (6) самоходные и буксируемые артиллерийские орудия; (7) реактивные системы залпового огня; (8) ударные и штурмовые вертолёты; (9) неспециализированные ударные самолёты тактической авиации; (10) специализированные ударные самолёты тактической авиации; (11) многоцелевые ударные самолёты тактической авиации; (12) самолёты тактической авиации с ограниченными возможностями воздушного боя; (13) истребители завоевания превосходства в воздухе уровня четвёртого поколения; (14) современные и модернизированные истребители завоевания превосходства в воздухе; (15) батареи систем ПВО большой дальности; (16) батареи систем ПВО средней дальности; (17) системы ПВО ближнего радиуса действия; (18) надводные корабли с противокорабельным ракетным оружием; (19) надводные корабли первого ранга с противокорабельным ракетным оружием; (20) надводные корабли второго ранга с противокорабельным ракетным оружием; (21) малые надводные корабли третьего и четвёртого рангов с противокорабельным ракетным оружием; (22) дизель-электрические подводные лодки; (23) атомные подводные лодки (без баллистических ракет); (24) противолодочные вертолёты.

***Приложение 2.* Список стран**

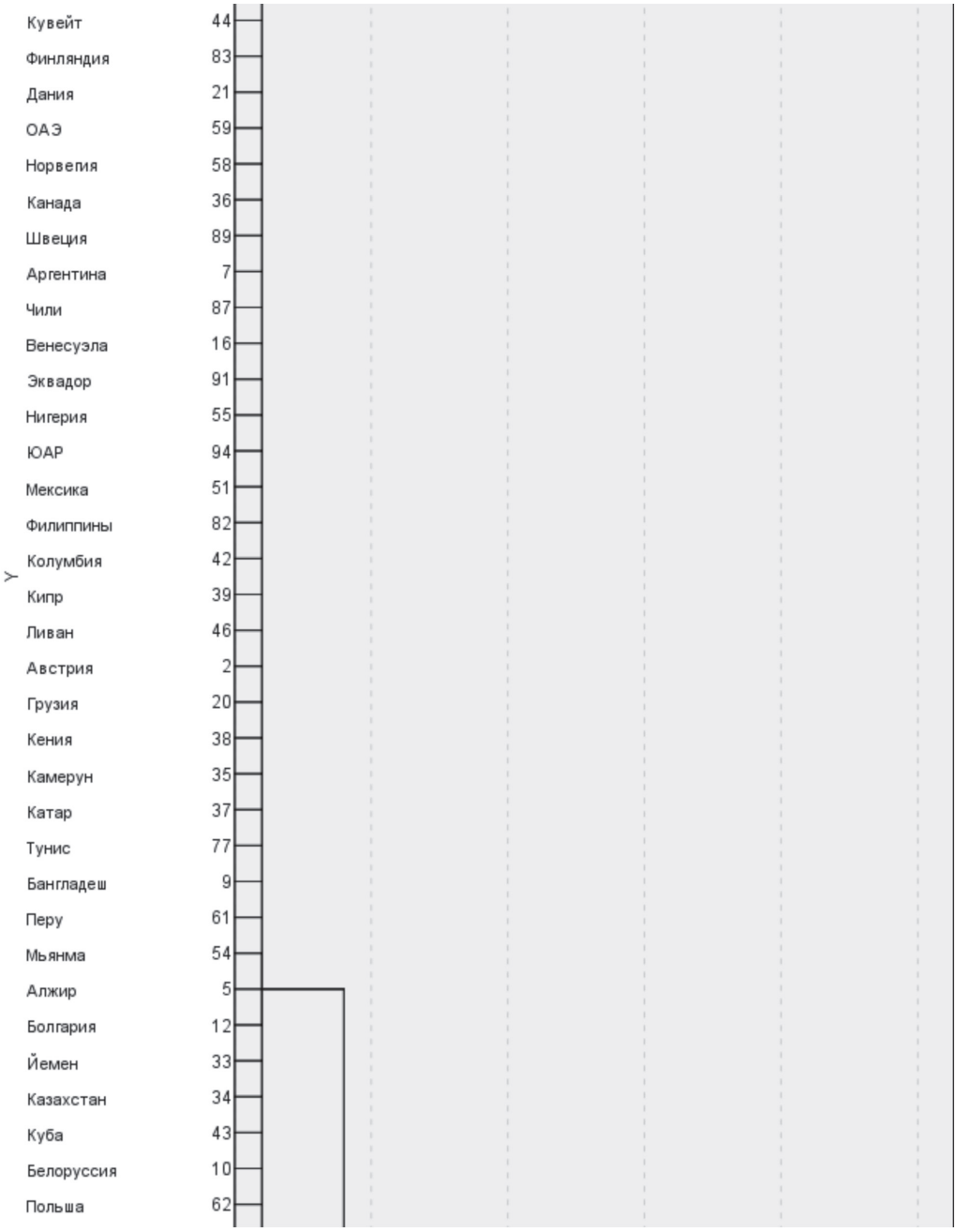
Австралия, Австрия, Азербайджан, Албания, Алжир, Ангола, Аргентина, Армения, Афганистан, Бангладеш, Белоруссия, Бельгия, Болгария, Бразилия, Великобритания, Венгрия, Венесуэла, Вьетнам, Германия, Греция, Грузия, Дания, ДРК, Египет, Израиль, Индия, Индонезия, Иордания, Ирак, Иран, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Йемен, Казахстан, Камерун, Канада, Катар, Кения, Кипр, Киргизия, Китай, КНДР, Колумбия, Куба, Кувейт, Латвия, Ливан, Ливия, Литва, Малайзия, Мальта, Мексика, Молдавия, Монголия, Мьянма, Нигерия, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, ОАЭ, Пакистан, Перу, Польша, Португалия, Россия, Румыния, Саудовская Аравия, Сербия, Сингапур, Сирия, Словакия, Словения, США, Таджикистан, Таиланд, Танзания, Тунис, Туркменистан, Турция, Узбекистан, Украина, Филиппины, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Чили, Швейцария, Швеция, Шри-Ланка, Эквадор, Эстония, Эфиопия, ЮАР, Южная Корея, Япония.

Приложение 3. Дендрограммы

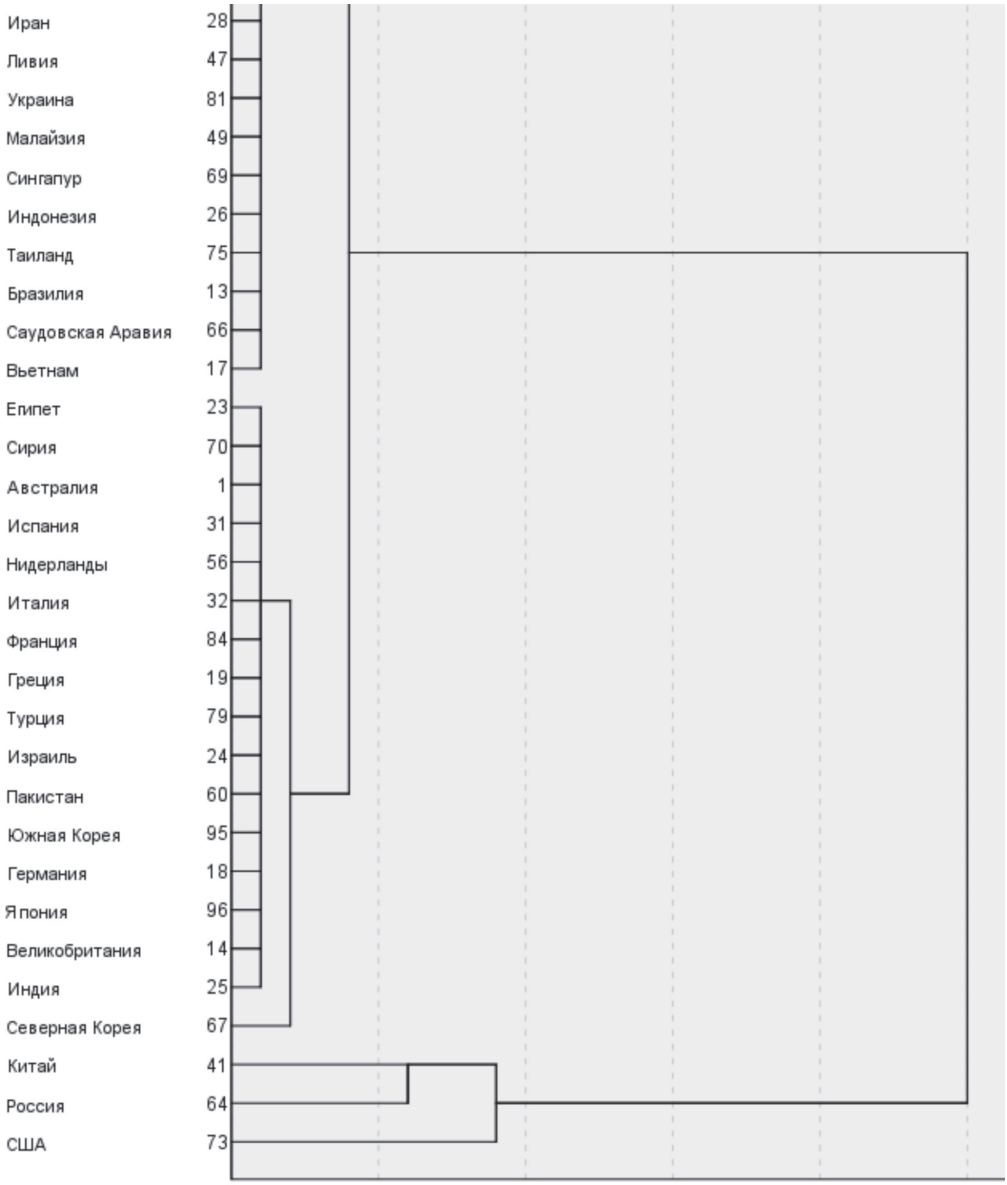
А. Иерархический кластерный анализ (метод Варда): данные 2005 года.



Продолжение приложения 3, А

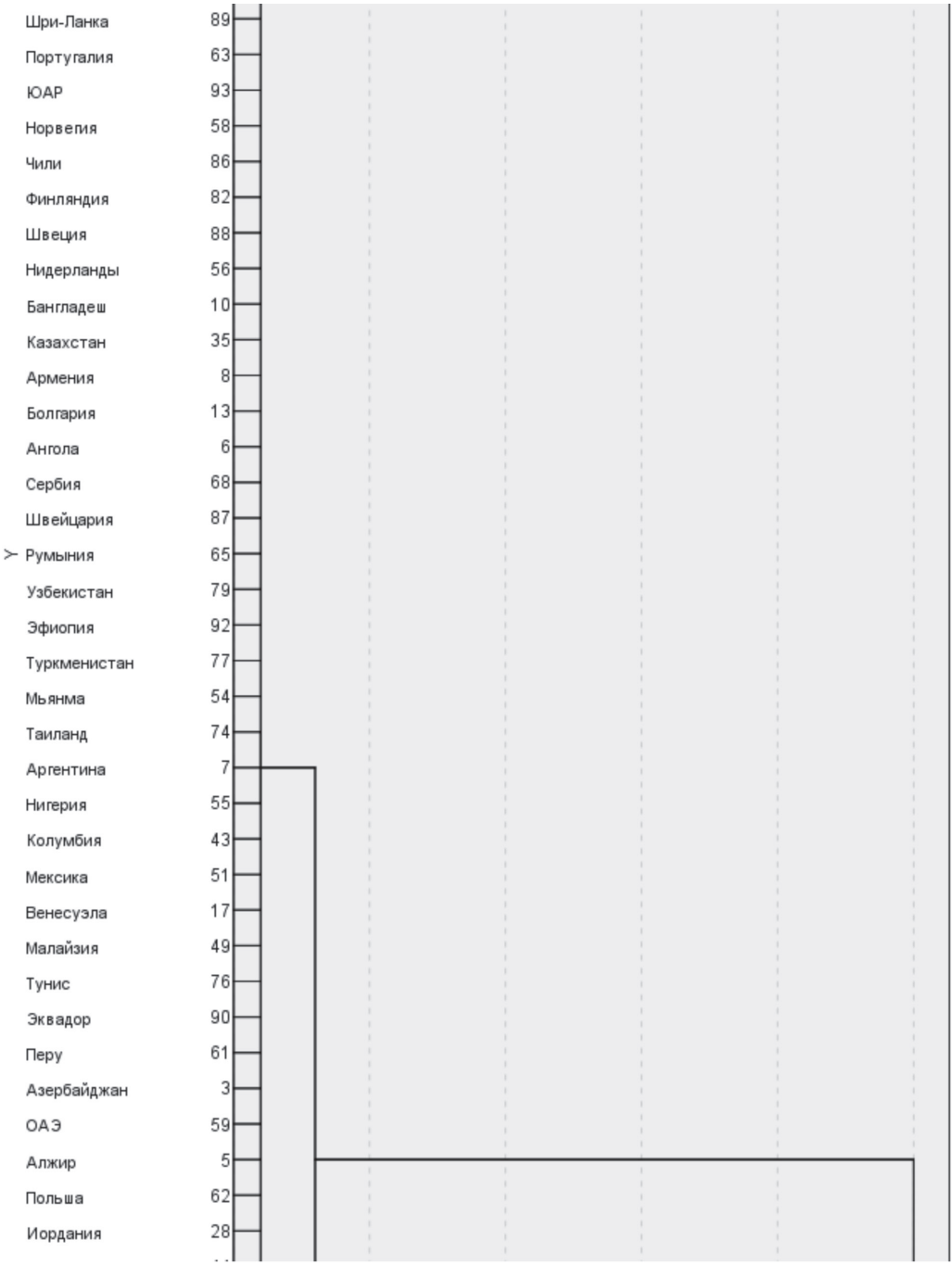


Окончание приложения 3, А

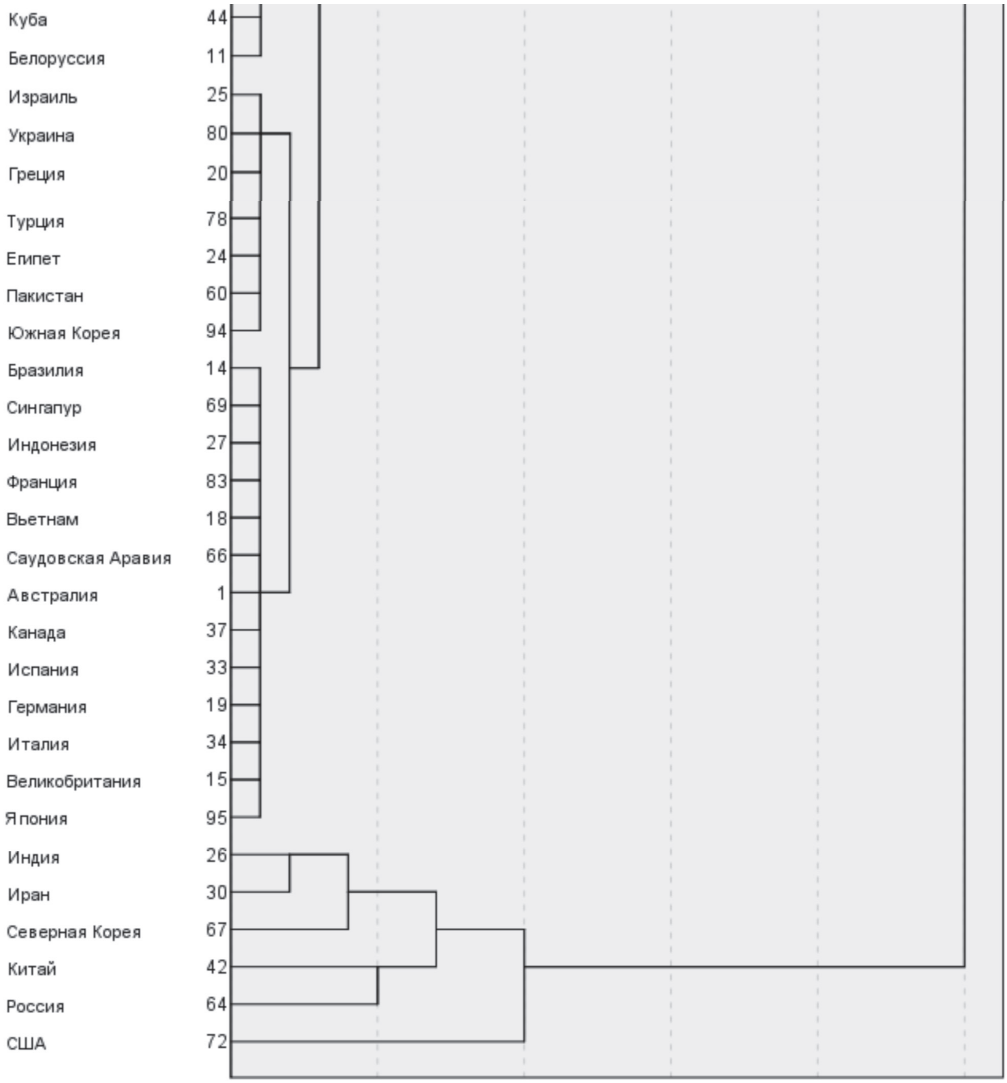


Б. Иерархический кластерный анализ (метод Варда): данные 2015 года

Продолжение приложения 3, Б



Окончание приложения 3, Б



NOT SO OBSOLETE MILITARY POWER IN WORLD POLITICS

TO WAGE WAR, TO AVOID WAR AND (OR) TO GAIN RECOGNITION?

MIKHAIL MIRONYUK
KIRILL TOLOKNEV
ARTEM MALTSEV
National Research University – Higher School of Economics, Moscow, 101000, Russia

Abstract

The end of the Cold War greatly contributed to the spread of thesis that the military power as a means of achieving states' goals within the rules and institutions based global liberal order had become completely obsolete. Indeed, the number of direct military engagements among nations (interstate wars) has been on its historically lowest level for the post-Cold War period, though militarized conflicts within stated in the problem-ridden areas have not lost their severity. However, this same period has seen over 45% worldwide military expenditures rise, and quite a few states have acquired more sophisticated military hardware. These facts support the assertion that today military power is still being taken into account, it is used as a means of achieving goals and influences the behavior of states even without being applied to adversary, or if conflict has not escalated enough to call it a full-scale war. Two hypotheses are proposed and tested in the article. They may help to explain why states continue to invest scarce resources into maintaining their military potentials and procurements of weapon systems, which may never be used in combat. Firstly, we hypothesize that the available military potentials of states allow to determine to what extent and which states rely or do not rely on this component of the national potential of influence in the world (i.e. for whom the military power has not become obsolete). Secondly, countries for which military power has not become obsolete demonstrate generally similar configurations of components of military power (i.e. evolution of the militaries of these states may show strong similarities). To test the proposed hypotheses, quantitative methods have been used to analyze data on 98 countries of the world at two points in time (2005 and 2015/2016). The cluster analysis in general confirms our hypotheses. The comparison of clusters as of 2005 and 2015/2016 indicates that the states under similar external conditions (for example, constant external pressure, rivalry with neighbors, etc.) build up (or lose) similar components of the military power.

Keywords:

state; war; military power; status; cluster analysis; USA; Russia.

References

Avant D.D. (1993). The Institutional Sources of Military Doctrine – Hegemons in Peripheral Wars. *International Studies Quarterly*. Vol. 37. No. 4. P. 409–430.

Beard E. (1976). *Developing the ICBM: A Study in Bureaucratic Politics*. New York: Columbia University Press. 273 p.

Bergerson F.A. (1980). *The Army Gets an Air Force*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press. 232 p.

Ferreira L., Hitchcock D.B. (2009). A comparison of hierarchical methods for clustering functional data // *Communications in Statistics-Simulation and Computation*. Vol. 38. No 9. P. 1930–1933.

Grissom A. (2006). The Future of Military Innovation Studies // *Journal of Strategic Studies*. Vol. 29. No. 5. P. 905–934.

Goldstoun D. (2015). *Pochemu Yevropa? Vozvysheniye Zapada v Mirovoy Istorii, 1500–1800* [Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500–1850]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara. 302 p.

Jervis R. (1988). The Political Effects of Nuclear Weapons: A Comment // *International Security*. Vol. 13. No. 2. P. 80–90.

Kheld D., Goldblatt D., Makgryu E., Perraton D. (2004) *Global'nyye Transformatsii: Politika, Ekonomika, Kul'tura* [Global Transformations: Politics, Economics and Culture]. Moscow: Praksis. 576 p.
Klauzevits K. (1934). *O voyne* [On War]. Moscow: Gosvoyenizdat. 692 p.
Levy J.S., Thompson W.R. (2010). *Causes of War.* Oxford: Wiley-Blackwell. 288 p.
Levy J.S., Thompson W.R. (2011). *Arc of War: Origins, Escalation, and Transformation*. Chicago and London: University of Chicago Press. 280 p.
MacGregor K., Murray W. (Eds.). (2001). *The Dynamics of Military Revolution, 1300–2050.* Cambridge: Cambridge University Press. 203p
Mearsheimer J.J. (1990). Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War // *International Security.* Vol. 15. Issue 1. P. 5–56.
Nye J.S. Jr. Is Military Power Becoming Obsolete? 11.01.2010. Available at: https://www.project-syndicate.org/commentary/is-military-power-becoming-obsolete?a_la=english&a_d=b4f33e0046f86fa80bc17003&a_m=&a_a=click&a_s=&a_p=%2Ftopic%2Fnye-on-power&a_li=is-military-power-becoming-obsolete&a_pa=section-commentaries&a_ps= (accessed 31.08.2018)
Parker G. (1996). *The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800.* Cambridge: Cambridge University Press. 265 p.
Posen B.R. (1984). *The Sources of Military Doctrine: France, Britain, and Germany between the World Wars*. Ithaca, NY.: Cornell UP. 287 p.
Rhamey J.P., Early B.R. (2013). Going for the Gold: Status Seeking Behavior and Olympic Performance // *International Area Studies Review*. Vol. 16. No. 3. P. 244–261.
Rosen S.P. (1991). *Winning the Next War: Innovation and the Modern Military.* Ithaca. N.Y.: Cornell University Press. 275 p.
Spruyt H. (2002). The Origins, Development, and Possible Decline of the Modern State // *Annual Review of Political Science.* Vol. 5. P. 127–149.
Spruyt H. (1994). *The Sovereign State and Its Competitors: An Analysis of Systems Change*. Princeton: Princeton University Press. 304 p.
Tarrow S. (2015). *War, States, and Contention: A Comparative Historical Study*. Ithaca: Cornell University Press. 314 p.
Tilli Ch. (2009). *Prinuzhdeniye, Kapital i Yevropeyskiye Gosudarstva. 1990 – 1992 gg.* [Coercion, Capital and European States, A.D. 990–1992]. Moscow: Izdatel'skiy dom «Territoriya budushchego». 328 p.
Volgy T.J., Corbetta R., Grant K.A., Baird R.G. (eds.). (2011). *Major Powers and Their Quest for Status in International Politics: Global and Regional Perspectives*. N.Y.: Palgrave Macmillan. 242 p.
Waltz K.N. (1981). The Spread of Nuclear Weapons: More May Be Better. *Adelphi Papers*. No. 171. London: International Institute for Strategic Studies. 32 p.